

Александр Цильке – поэт и гражданин

Am 24. Juni 1910 ist in einer großen Familie der Dichter Alexander Zielke im weißrussischen Dorf Chatki geboren. Im Jahr 1926 ist die Familie Zielke aus Not nach Sibirien in das Dorf Krasnojarka, Gebiet Omsk gekommen. Der junge Alexander hat den Kindern seines Arbeitgebers die Deutsche Sprache beigebracht. Im Jahr 1931 ist er ins Nachbarsdorf Nowoskatowka (Schöntal) gefahren und hatte da in der Schule Deutsch unterrichtet.

Im Jahr 1938 wurde er aufgrund der falschen Anschuldigungen verhaftet und 1942 wurde er in die Arbeitsarmee nach Ural verschickt. Die Gedichte von A. Zielke sind in die «Anthologie der weltweiten deutschen Literatur» eingetragen.

24 июня 2010 года исполнилось 100 лет со дня рождения советского немецкого поэта Александра Цильке. Конечно же, это дата никак не могла остаться незамеченной в родном селе поэта, в котором он прожил более 50 лет своей жизни.

За полгода до юбилея Новоскатовская сельская библиотека совместно с Центром немецкой культуры разработала проект под названием «Die Lyrik seines Lebens - Лирика его жизни», в рамках которого был запланирован ряд мероприятий, посвящённых жизни и творчеству поэта. Ко дню рождения знаменитого земляка в музее был организован уголок памяти А.Цильке, собрана и оформлена в фонд редкой и ценной книги коллекция книг из личной библиотеки поэта (с печатью и автографом), изготовлены информационные дайджесты, брошюры со стихами и сборники немецких песен (в том числе и на стихи А.Цильке), подготовлена исследовательская работа о жизни и творчестве поэта к Областным молодёжным научно-историческим чтениям, организовано шефство над могилой поэта. В этот день на сельском кладбище и в читальном зале ЦНК состоялся час памяти поэта.

Значимым мероприятием в культурной истории Новоскатовки стал вечер памяти «Книгу жизни его листая...», в сценарий которого были заложены основные вехи жизни поэта и его творческой активности. Рассказы ведущих, поэтические произведения и музыкальные композиции сопровождалась мультимедийной презентацией, подготовленной к памяtnому событию. Среди приглашённых на вечер были как новоскатовские любители поэзии, так и гости из Новосибирска, Шербакуля и Екатеринославки. Самым почётным гостем был сын поэта профессор с мировым именем Регинальд Цильке, приехавший с супругой и совместным «детисцем» – книгой, выпущенной к юбилею отца, ставшей своего рода памятником новоскатовскому поэту и учителю. Некоторым из присутствующих посчастливилось получить экземпляры книги с памяtnой подписью от издателя.

Моё открытие Александра Цильке

Я очень рада, что для меня юбилейный день рождения Александра Цильке стал поводом для более близкого знакомства с ним – не только как поэтом и учителем, но и человеком. О поэтическом таланте нашего земляка, я, конечно же, знала раньше, в общих чертах была знакома и с его биографией. Как часто случается в нашей суетной жизни, для духовных познаний не хватает времени. Поэтому благодаря памяtnой дате в поэтической истории нашей деревни я «открыла» для себя удивительный внутренний мир этого великого человека.

До недавнего времени в сельской библиотеке имелась лишь одна маленькая книжечка со стихами А.Цильке на немецком языке (первое алма-атинское издание). Прочсть эти стихи я могла, но не более. Недостаточные знания языка мешали мне полностью понять их смысл, проникнуться чувствами поэта (надо сказать, что «язык А. Цильке» непростой, понять его сложно даже владеющему определёнными языковыми

навыками – сказало обучение в германской гимназии). Отдельные произведения поэта перевела на русский язык поэтесса Светлана Качеровская. Незадолго до юбилея поэта я узнала, что ещё в 2000 году в п. Краснообск Новосибирской области к 90-летию А.Цильке был издан сборник стихов на немецком и русском языках. Это издание, над которым во главе с профессором Р. Цильке трудились новосибирские переводчики, помогло мне изучить поэтическое наследие земляка (а вернее сказать – его часть). На основе материалов книги, биографических данных и фотографий из архива семьи Цильке я готовила сценарий и презентацию к юбилейному вечеру памяти. Я постаралась использовать всю информацию, которой располагала (и вечер, судя по отзывам, получился). В процессе переписки с сыном поэта накануне юбилейных мероприятий меня очень обрадовало сообщение о том, что к изданию готовится новая книга с тем же названием – «Ich blättere im Buch meines Lebens...». Регинальд Александрович сообщил также, что новое издание дополнено биографией отца, рукописями, документами из архивов НКВД, фотографиями (всего более 400 страниц) и выйдет тиражом 250 экземпляров. Мне так хотелось скорее увидеть эту книгу, узнать новые, неизвестные мне страницы жизни Александра Цильке. И вот долгожданный момент наступил: профессор привёз нам более десятка экземпляров (несмотря на довольно внушительный вес книг). Сразу поразил внешний вид: красивая обложка, высокое качество переплёта и оформления. Но ещё больше притягивала книга своим содержанием, знакомство с которым пришлось отложить ещё на пару дней – пока не закончились мероприятия. Книгу я прочла на одном дыхании, за вечер – не передать моих ощущений, моего чувства восхищения как самим поэтом, так и его сыном, создавшим «памятник» отцу.

**Как живёшь ты, великая Родина Страха?
Сколько раз ты на страхе возрождалась из праха!
Мы учились бояться ещё до рождения.
Страх державный выращивался как растенье.**
Роберт Рождественский

Этот эпиграф, подобранный к четвёртому изданию «Ich blättere im Buch meines Lebens...», настолько точно отражает период времени, в котором жил и творил наш земляк, что сразу ощущаешь атмосферу страха, недоверия, унижения человеческого достоинства тех далёких лет...

Александр Цильке родился 24 июня 1910 г. в Белоруссии, в селе Хатки Минской губернии (в документах из архива Управления КГБ по Омской области почему-то значится дата 24 июня 1911г.)

Его отец - Эмиль Цильке – плотник, вечно неудовлетворённый жизнью, постоянно находился в поиске лучшей доли. Поэтому со своей энергичной и трудолюбивой женой Эмилией (урожд. Миттельштет) он немало странствовал по чужой и собственной воле.

Из воспоминаний Р.А.Цильке*: *«В 1915 г. многие немецкие семьи из Белоруссии были принудительно переселены в Сибирь, в том числе и семья Эмиля и Эмили Цильке, в которой было четверо сыновей и одна дочь. По пути к месту назначения умерли два сына и дочь. Я был ещё юнцом, когда бабушка Эмилия рассказывала о том страшном переселении. Ей приходилось умерших в железнодорожном вагоне детей оставлять на станциях, она не знала, где похоронены её детки. Бабушка от пережитого горя в возрасте 38 лет оглохла, поседела, потеряла все зубы, кроме одного. Такой я её и помню. Когда мне говорят, что я громко разговариваю, то отношу это к тому времени, когда общался очень громко с любимой моей бабушкой Эмилией.*

После такого трагического переезда они прибыли в немецкое село Красноярка Шербакульского района Омской области... в годы Гражданской войны семья Цильке вернулась в Белоруссию и поселилась в родных местах, оккупированных ещё Германской

армией. Немецким семьям предложили переселиться в Германию, якобы там им будет предложена земля и помощь. Несколько семей отправились в Германию, в т.ч. семья Эмиля Цильке, которая поселилась в селении Тангрим земли Мекленбург. Родители отца устроились на работу к помещику Райтер, а он учился в школе. Так они прожили в Германии до 1922 г. Полагаю, что дедушку Эмиля не устраивала работа и жизнь в этой стране. И поскольку члены его семьи оставались подданными России, он обратился с ходатайством в советское консульство с просьбой вернуться в БССР.

Семья вернулась в Минскую губернию и обосновалась в селении Майдан, где занималась лесозаготовкой. Этот период жизни талантливо отражён в стихотворении отца «Начало моей биографии».

*Hier in dieser grauen Wildnis
Suchte unsere Familie
Ihre Zukunft und ihr Glück...
O ich seh noch stehn den Vater
Bis ans Knie im Sumpf und Schlamm,
schwingend Hacke oder Beil.*

*Здесь, в чащобе этой серой,
Мы искали наше счастье,
На грядущее надеясь...
Вижу я отца стоящим
По колено в жидкой грязи –
Он всё машет топором.*

Осенью 1926 г. дедушка Эмиль снова, теперь уже по собственной инициативе, возвращается с семьёй в Сибирь. Она поселилась в той же Красноярске Шербакульского района Омской области. Сам дедушка и старший сын занимались разными работами, а мой отец в 16 летнем возрасте стал частным преподавателем детей зажиточного крестьянина, который относился к тем, которых сталинские сатрапы в 30-х годах называли кулаками и стали беспощадно ликвидировать как враждебный класс».

Об этом периоде жизни юного поэта рассказывает Амалия Цильке, сноха поэта, бывшая заведующая Новоскатовской сельской библиотекой: «В деревне Яблоновка... 17-летний Александр устроился батраком у зажиточного крестьянина Гофмана, а после у состоятельного крестьянина Штикеля, у которого было 11 детей. Подчеркивая в своих устных воспоминаниях эти времена, Александр Эмильевич с большим внутренним удовлетворением отмечал, что, живя и батрача у этого хозяина, ему позволяли спать в общей спальне вместе с хозяйскими детьми и обедать за общим столом, что было в округе не правилом, а исключением: место батрака - конюшня с коровами и лошадьми. Он считал это большим благом и подарком судьбы. Вскоре хозяин Штикель заметил, что его молодой батрак хорошо владеет литературным немецким языком и предложил ему стать учителем многочисленной семьи. Александр Эмильевич с большой теплотой и радостью вспоминал эти два года учительства у Штикеля.»

Из воспоминаний Р.А.Цильке: «В 1928 г. мой отец переехал в село Шейнтал того же района и стал учительствовать в школе, где проработал два учебных года с 1928 по 1930 гг.... В селе Шейнтал, позже Новоскатовка, отец жил на квартире в многодетной семье крестьянина Петра Цайтлера. Здесь он и познакомился с одной из его дочерей Региной, на которой он вскоре женился, и она стала моей мамой.

1930 engagierte man Alexander Zielke als Lehrer vom staatlichen Schulamt (Omsk) an eine Schule im deutschen Dorf Schöntal des Borisover Landkreis. Dies tat er auch bis zu seiner Verhaftung 1938. Er beherrschte perfekt die russische Sprache autodidaktisch. Alle Lehrer an der Schule kamen zu Ihm um Beratung in die russische Sprache.

Bis 1938 arbeitete er zusammen mit einem erstaunlichen Lehrer und wunderbaren Mensch Schulleiter Iwan Jakovlewitsch Phot.

In der Trudarmee (Zwangslager) musste er bis 1946 schuften. Ende 1946 übernahm er wieder eine Stelle als Lehrer bis er wegen schweren Gesundheitszustandes 1958 abbrechen musste.

Schon von frühesten Jahren an befasste er sich mit literarischer Tätigkeit in Deutsch, obwohl er Russisch und Englisch perfekt beherrschte. Bereits in der zweiten Hälfte der 30er Jahre veröffentlichte der Dichter Gedichte und Erzählungen in der deutschen Zeitung in Moskau DZZ (Deutsche Zentral-Zeitung) für die deutsche Bevölkerung in der UdSSR. Das Manuskript des Romans «Das Kind aus der Tiefe» wurde auf Grund einer Denunziation Anlass für seine Verhaftung.

NIDDA. Zeitung «Wetterukreis» 20. Juli 2000.

В 1932 году молодые супруги переехали в село Роза-Долина Цветнопольского сельсовета Ново-Омского, теперь Азовского района, где я и появился на свет 13 апреля. Поскольку это событие произошло в школьной пристройке, а мой неугомонный характер проявился весьма бурно, то папа попросил маму отправиться буквально через неделю со мной к её матери.... В конце учебного года и отец вернулся в Шейнтал и продолжал работать учителем. В 1934 у него появились проблемы со здоровьем, и он вынужден был работать в колхозе, но в 1936 г. он снова вернулся в школу и продолжал работать учителем.

В 1937 г. он снова вынужден уйти от преподавательской работы, и стал радистом, каким оставался до ареста».

22 марта 1938 года Александр Цильке был арестован и отправлен в тюрьму. Из воспоминаний Р. Цильке: «До сих пор не стёрся из памяти мартовский день 1938 года. Утро. Родители уже давно встали. Мама с отцом на дворе заняты скотом. Мать доит корову, а отец убирает навоз. Бабушка чистит картошку и попутно нас, двоих внуков, меня и Райнгольда, поторапливает убирать комнату и посматривать за маленькой сестрёнкой Лили, которая норовит всё время выбраться из деревянной качалки. И тут резко открывается дверь. На пороге появляются двое мужчин в кожаных плащах. Один спрашивает у бабушки: «Где гражданин Цильке?». Бабушка, плохо знала русский язык, но поняла, что речь идёт о её сыне. Она, отложила нож, вытерла руки о подол, и указывает рукой на двор, а сама идёт к двери. За ней следует один из пришедших. Через несколько минут в дверях появляется наш папа, а за ним гость в плаще. Потом появились мама и бабушка. В полной растерянности они встали у печки.

Отца заставили сесть на стул, стоящий у двери. Один из пришедших стал рядом с отцом, а второй взялся энергично за обыск. Мне не забыть до гробовой доски это варварство над папиными книгами. Незванный гость в плаще неуклюже вытаскивал книгу за книгой из шкафа, брал её двумя руками за обложку и, выворачивая, тряс так, что они часто выскальзывали из рук и с грохотом падали на пол. Это были книги на немецком и русском языках конца девятнадцатого и начала двадцатого веков издания. Книги были куплены отцом в букинистических магазинах на его жалкие учительские заработки. Он дорожил ими и гордился библиотекой, единственной во всей этой глухой округе. А теперь на его глазах невежественный мужик так грубо обращался с его сокровищем. При каждом падении книги отец вздрагивал. Мы это видели. Обыск длился до обеда. Небрежно воткнув в сумку некоторые бумаги, и, как позже я узнал, рукопись автобиографической книги отца, обыскивающий взялся за протокол. Задав несколько вопросов отцу, мужчины в плащах сказали отцу, чтобы он собирался.

Мама сложила самые необходимые вещи, которые были разрешены, и мешочек и подала их папе. Отцу разрешили попрощаться с мамой и бабушкой. К нам, детям, ему не разрешили подойти. Мы стояли молча и наблюдали за всем происходящим, не понимая, что происходит в нашем доме. Отца увели. Бабушка оцепенело молчала,

положив мне руку на голову. Мама тихо плакала, наклонившись над качалкой нашей маленькой сестрёнки Лили.

Отца девять месяцев подвергали допросам и пыткам в Омской тюрьме. Позже, в годы горбачёвской перестройки, мой брат Зигмунд сделал копии следственного дела отца из архивов бывшего Омского управления Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД). Его обвинили «...как активного члена контрреволюционной фашистской организации и агента иностранной разведки».

30 марта 1938 г. ему было вынесено обвинительное заключение. Из материалов следственного дела: «Цильке Александр Эмильевич, будучи настроен враждебно к Советской власти, проводил антисоветскую агитацию против колхозного строительства, опорочивал Советский строй, восхвалял капиталистические порядки. Получал литературу из Германии и проводил клеветническую работу, якобы в Германии люди живут лучше, чем в Советском Союзе. До 1934 года работал учителем в Ново-Скатовской школе и проводил подрывную работу в школе. Организовал коллективные слушания радио из Германии и разъяснял колхозникам, якобы Германия самая лучшая страна... Допрошенный в качестве обвиняемого Цильке А.Э. частично виновным себя признал. Кроме того, он изобличён показаниями свидетелей в совершении преступления, предусмотренном статьёй 58-10 УК РСФСР³ (антисоветская агитация и пропаганда)...

Следственное дело № 10363 по обвинению Цильке Александра Эмильевича направить на рассмотрение Тройки Управления НКВД Омской области. Вещественных доказательств нет».

Р. Цильке: «Совершенно не оказалось документов о том, как велось следствие, как допрашивали, каким пыткам подвергали отца, чтобы он собственноручно написал: «... Я считаю себя виновным, что я способствовал германскому фашизму. Я протаскивал, как учитель, немецко-националистическую литературу в школу...». Мой брат Зигмунд, который выпросил эти документы их архивов КГБ в Омске, оставил такую запись: «...думаю, это заставили писать под различным воздействием».

Из заключения от 4 апреля 1938 г. оперуполномоченного 1 отделения 3 отдела УГБ НКВД⁴ по Омской области сержанта Госбезопасности Пенькова: «... данное обвинительное заключение соответствует материалам следствия. Следствием установлено, что обвиняемый Цильке А.Э. систематически среди колхозников проводил контрреволюционную фашистскую агитацию, организовывал коллективное слушание по радио контрреволюционные клеветнические передачи о СССР из Германии. Проводил контрреволюционную клевету в адрес советского правительства СССР. Призывал колхозников не выходить на работу».

17 октября 1938 г. Тройка при Управлении НКВД по Омской области постановила: «Цильке Александра Эмильевича за контрреволюционную деятельность заключить в ИТЛ (Исправительно-трудовой лагерь) сроком **на восемь лет**, считая срок с 22 марта 1938 года». Причём в документе не представлено ни фамилий, ни должностей. Страшно подумать, сколько таких необоснованных наказаний выносила Тройка, сколько людских судеб было беспощадно загублено исполнителями «варварских» указов.

Р. Цильке: «Помню, мама ездила в Омск и рассказывала бабушке о том, как она добивалась встречи с отцом, но всё безрезультатно. С «врагами народа» и «шпионами» никакие контакты с родными не допускались».

9 января 1939 года Александра Цильке неожиданно освободили из-под стражи: «... для предания суду Цильке А.Э. материалов недостаточно, поэтому руководствуясь статьёй 204 параграфа БУК, постановляет следствие по делу № 10363 прекратить, Цильке А.Э. из под стражи освободить».

Р. Цильке: «В этих документах не просматривается элементарной логики. Ведь согласно протоколу № 66 заседания Тройки от 17 октября 1938 г. отца заключают в ИТЛ сроком на восемь лет. А как видно из только что цитированного документа

оказалось, что для предания суду недостаточно материала. А на каком основании Тройка постановила заключить обвиняемого в исправительно-трудовой лагерь на восемь лет?

... Мне было семь лет от роду, когда отец вернулся из тюрьмы. Помню, вот он сидит на стуле около книжной полки, наголо подстриженный и очень худой... До конца своих дней он не смог в своей душе освободиться от следов изуверств, перенесённых в Омской тюрьме».

Ужасы той поры навсегда оставили след в душе поэта. После девяти месяцев в смертной камере он вернулся домой, униженный физически и надломленный духовно. Из воспоминаний Амалии Цильке: «...Что было для Александра Эмильевича характерно: о страданиях, нечеловеческих пытках на допросах за эти 9 месяцев в Омской тюрьме он очень редко рассказывал. Только один раз он мне поведал, что 7 суток он простоял на ногах в узком пространстве и когда он время от времени терял сознание, его обливали холодной водой и ставили опять на ноги и так до бесконечности. Этот большевистский эксперимент оставил глубокий трагический след в его душевном и физическом состоянии».

Р. Цильке: «Отец, немного оправившись от пережитого, продолжал учительствовать в Новоскатовской семилетней школе. В мире запахло войной, и отец со своими коллегами в школе часто говорил о надвигающейся катастрофе. Своим детским умишком я понял это из бесед отца с дядей Егором. Дядя настойчиво хотел услышать от отца, будет ли война с Германией и каков ожидается её исход. Но отец, побывавший в сталинских застенках, не осмелился высказывать откровенно свои мысли. Думаю, что отец понимал неизбежность столкновения между двумя непримиримыми режимами, замешанными на антигуманных принципах».

В марте 1942 года вместе со всеми мужчинами села Александр Цильке был мобилизован в трудармию и отправлен на Урал, откуда он вернулся лишь в 1947 году.

Р. Цильке: «Отец редко рассказывал о пережитом и увиденном в тюрьме и трудармии. Но он не мог забыть своих сокамерников - известных учёных, литераторов, музыкантов и простых тружеников, которых физически истязали и морально унижали в тюрьме. Отца постоянно мучила несправедливость и неустроенность мира. Уже к концу жизни всё чаще и чаще говорил он о советской государственной системе, считал её противоестественной, и что рано или поздно она должна рухнуть, но он не мог предполагать, что это случится всего через пять лет после его смерти. Может вызвать недоумение, почему в его стихах не отражены трагические события собственной жизни и нашего народа. Он был убеждён, что всё происходившее в годы сталинского режима никогда не станет гласным. Даже после смерти Сталина и развенчания Хрущёвым его культа личности, отец не верил, что в стране восстановится гласность. Поселившийся в нём в сталинских застенках страх, не покидал его до конца жизни. Он не желал возвращаться в прошлое и не говорил о нём в своих стихах. Варварство претило ему по своей сути».

Aus den Erinnerungen R. Zielke: «22. Juni 1941 stand das Land auf «... zum Kampf auf Leben und Tod mit der dunklen Macht des Faschismus, mit der verdamnten Horde ...» und im März 1942 begann die Mobilisierung der Sowjetdeutschen in die Arbeitsarmee, faktisch in die stalinistischen Konzentrationslagern, die zu einer schreckliche Prüfung für das deutsche Volk wurde auf dem Russlandsboden. Von Kälte, Hunger und übermäßige körperliche Arbeit, Männer und Frauen starben von Hunderten und Tausenden in diesen Lagern.

Der Vater erzählte selten über seine Erhebung im Gefängnis und Arbeitsarmee. Aber er konnte nicht vergessen, seine Mitgefangenen - bekannte Wissenschaftler, Schriftsteller, Musiker und einfache Werktätige, die körperlich und geistig im Gefängnis gefoltert und gedemütigt wurden.

Der Vater war ständig durch das Unrecht und Unordnung in der Welt gequält. Bis zum Ende des Lebens mehr und mehr sprach er über die sowjetischen Staatssystem, betrachtet es als unnatürlich, und dass es früher oder später zusammenbrechen muss, aber er konnte nicht davon ausgehen, dass dies nur fünf Jahren nach seinem Tod geschehen. Es mag überraschen, warum seine Dichtung nicht abspiegelt seine tragischen Ereignisse des eigenen Lebens und unseres Volkes. Er war überzeugt, dass alles, was in den Jahren der Stalinregime passiert sein wird nie öffentlich. Auch nach dem Tod Stalins und Chruschtschows Entlarvung seines Personenkults, der Vater glaubt nicht, dass im Land wieder Öffentlichkeit sein wird».

Александр Цильке постоянно занимался самообразованием. Он самостоятельно изучил немецкий, английский и французский языки. Произведения великих классиков он читал в оригинале.

Р. Цильке: «Его официальное образование ограничивалось пятилетним обучением в гимназии Германии (1918-1922гг.) и учёбой на трёхгодичных Центральных курсах заочного образования иностранным языкам в Москве (1939– 1941 г.), которые, кстати, он ни разу не посещал, но оценки получал только отличные».

Амалия Цильке.: «Важно отметить то обстоятельство, что, прибыв в 1926 году снова в Советскую Россию, он не знал русского языка, а в 1949-1950 гг. Александр Эмильевич преподавал у нас в 7-ом классе русский язык и литературу. Он самостоятельно овладел русским языком в совершенстве. Все учителя школы приходили к нему за советом по этому языку. Интересный эпизод: его старший сын Регинальд Цильке, в то время преподаватель Омского сельскохозяйственного института, тайно привёз своему отцу запрещенную книгу дочери Сталина Светланы Аллилуевой «Иосиф Сталин» на английском языке. Александр Эмильевич читал и переводил нам эту книгу синхронно. После его смерти... мы не могли найти эту книгу в его библиотеке, наверное, он все еще не верил в лояльность диктатуры абсурда - он был прав...

Мне пришлось жить три года в семье Александра Эмильевича. У него была огромная библиотека, по всем вопросам жизни и культуры человечества. Длинные книжные полки были заполнены трудами классиков мировой литературы. Немецкая литература была представлена на немецком и русском языках. Александр Эмильевич в совершенстве владел этими языками: на английском языке он читал классиков без словаря, а на французском - со словарем.

Его дом в Новоскатовке был всегда полон книг и музыки, он часто любил слушать музыку классиков: И.С.Баха, В.А.Моцарта, Л. ван Бетховена; очень любил он Эдварда Грига и П.И.Чайковского. Моцарта он называл не иначе как «солнечный». Он проигрывал эти пластинки на старом патефоне, и я частенько видела его за слушанием музыки «со слезами на глазах» в полном смысле этого слова. Дом его был культурным центром всей округи...

Особенная черта характера и огромная забота Александра Эмильевича было постоянное стремление к дальнейшей учебе не только своих детей и близких, но всех детей в деревне; он считал, чем больше людей будет учиться, тем красивее будет жизнь. Только по его совету, рекомендациям и помощи в большой мир науки и культуры вышли его бывшие ученики: Э. Юнгманн (музыкант), Леонард Люзе (ученый физик, доктор, профессор), Виктор Гейнц (поэт, драматург, ученый-лингвист), Регинальд Цильке - его сын (профессор, селекционер, заведующий кафедрой, почетный доктор Берлинского университета им. А. Гумбольдта) второй сын, мой муж Райнгольд Цильке (талантливый учитель, мастер на все руки, создатель уникального музея об истории и трагической судьбе сибирских немцев) и другие».

Alexander Zielke war stets bemüht, sein Wissen zu erweitern: er absolvierte im Fernstudium die zentralen Kurse für Fremdsprachen in Moskau und war damit der deutschen und russischen wie auch der englischen und französischen Sprache mächtig.

Ein besonderer Zug des Charakters und eine große Besorgnis von A. Zielke war das ständige Streben nach weiteren Studie, nicht nur seine Kinder und Verwandten, sondern auch alle Kinder im Dorf, so glaubte er, mehr Leute würden lernen, desto schöner wird das Leben. Nur auf seinen Rat, Hilfe und Unterstützung in der großen Welt der Wissenschaft und Kultur ging von seiner ehemaligen Studenten: E. Jungmann (Musiker), Leonard Luise (Physiker, Wissenschaftler, Professor), Victor Heinz (Dichter, Dramatiker, Gelehrter und Linguist), Reginald Zielke - sein Sohn (Professor, Pflanzenzüchter, Leiter des Lehrstuhls für Genetik, Ehrendoktor der Humboldtuniversität Universität zu Berlin), der zweite Sohn Reinhold Zielke, mein Gatte (begabter Lehrer, jede Arbeit geht ihm glatt von der Hand, Gründer eines unikales Museum von der Geschichte und tragisches Schicksals der sibirischen Deutschen) und andere.

Amalia Zielke-Heinz

Воспоминания Амалии Цильке как нельзя лучше характеризуют поэта как человека умного, знающего, искренне любящего окружающих его людей, трепетно относящегося к литературе и высокому искусству. Своим отношением к жизни, своим талантом, мудрым словом он пропагандировал истинные непреходящие человеческие ценности. *«Красивое надо уметь видеть, надо соприкоснуться с ним. Уметь понять красоту – это тоже быть высоконравственным... надо уметь дарить радость людям. Для этого и нужна высокая нравственность человеку...»* (А.Цильке).

Р. Цильке: *«Я не помню отца без книги в руках. Она была неотъемлемой частью его жизни».*

О его любви к книгам свидетельствует тот факт, что, несмотря на скромную зарплату учителя (и большую семью) он собрал уникальную библиотеку – более 2000 книг, среди которых были 24-томный «Meyers Großes Konversation = Lexikon» (1908-1913), 10-томный «Настольный энциклопедический словарь Т-ва Бр. А.и И. Гранать» (1901-1902), 5-томный «Weltall und Menschheit», «Bibliothek des Allgemeinen und Praktischen Wissens» и многие другие. Каждая книга имела свой номер, была отмечена печатью и личной подписью поэта. Большая часть книг из библиотеки Александра Цильке и документы из личного архива находятся в Германии, у сына поэта Райнгольда Александровича. К великому сожалению, какая-то часть книг сгорела при пожаре в доме поэта. По счастливой случайности (а может, по велению судьбы) более сотни книг на русском и немецком языках из библиотеки поэта сохранились в моём доме, в котором до нас жил сначала сын поэта Райнгольд с семьёй, а позже его внук Александр Цильке. Также на чердаке мы обнаружили репродукции картин известных художников в самодельных деревянных рамках (полагаю, что они когда-то висели в доме поэта). Когда я держу в руках книги, принадлежащие А.Цильке, то испытываю особые чувства, пытаюсь понять мысли поэта, его отношение к тому или иному произведению, к их авторам. И теперь я считаю своим долгом сохранить и преумножить коллекцию книг, документов и прочих материальных ценностей, принадлежащих нашему талантливому земляку.

Aus den Erinnerungen R. Zielke: «Ich erinnere mich nicht mein Vater ohne ein Buch in den Händen. Das war ein fester Bestandteil seines Lebens. Der Vater für seinen bescheidenen Gehalt verfügt über eine einzigartige Bibliothek, aus denen er sein Wissen über alle Bereiche der menschlichen Kultur gesammelt. Nur einige Publikationen nenne ich: «Meyers Große Konversation – Lexikon (1908-1913)» in 24 Bänden, «Enzyklopädisches Handbuch von Br. A. und J. Granat (1901-1902)» von 10 Bänden, «Weltall und Menschheit» von 5 Bänden, «Bibliothek des Allgemeinen und Praktischen Wissens» und viele andere. Natürlich waren in der Bibliothek alle

Werke der Klassiker der Einheimische und Weltliteratur. Als ich in der Fachschule und Hochschule studierte warnte mich der Vater von den viele grundlegende Fehler in der Philosophie und Biologie, die in unser Gehirn eingesetzt wurden von den Bedienten der offiziellen Ideologie.

Mein Vater war Autodidakt in sichtbarem Merkmale des einzigartigen urwüchsigen Talents. Seine Ausbildung war enthält fünf Jahre in dem Gymnasium in Deutschland (1918-1922) und Fernstudium am Moskauer Institut für Fremdsprachen (1932 - 1941), das er nie besuchte, erhielt aber nur ausgezeichnete Bewertungen. Dieses ist von zahlreichen Kontrolleaufgaben bestätigt, die bewahrt sind in seinem Archiv. Mein Vater studierte Deutsch, Englisch und Französisch. Er beherrschte gemeistert die russische Sprache, obwohl er sie nicht in der Schule lernte».

Интересны воспоминания А. Кондратишина, бывшего хирурга Шербакульской районной больницы: «Александр Емельянович, пригласив осмотреть своё богатство, сразу же спросил: «На каких языках, кроме русского, умеете читать?»

- На украинском, - я смутился, чувствуя, что этот ответ не удовлетворил хозяина.

- Мало, ох как мало! Здесь у меня книги на русском, немецком, английском и французском языках, - Александр Емельянович сел в кресло, немного отдышался и продолжил: - Читать авторов надо в оригинале. Только тогда почувствуешь прелесть книги. Стыдно не знать основные языки...

- За 50 лет я собрал около двух тысяч. Люблю перечитывать. Знаете, только так надо читать. Если книга понравилась, обязательно перечитайте. Вам по-настоящему откроется её мир, и вы обогатитесь небывало... Я вот с неудовольствием смотрю на некоторых людей: не хотят читать. Как они будут жить, какие богатства в своей душе соберут? Сколько в книгах мыслей, идей! Вот Толстой, Шекспир, Гёте... все это ценность. Много, очень много хороших писателей. Возьмите Чехова. Изумительной чистоты человек. А его рассказы?.. Но я больше люблю Тургенева. Наверное, и Толстой, и Достоевский, может быть, и другие сильнее. Есть и в иностранной литературе много хороших писателей, но такого, как он, нет. И нет у них образцов такой высокой нравственности, особенно женских. Именно воспитанию в себе нравственности помогает нам книга...

В районной библиотеке я поинтересовался, как же читают книги в Новоскатовке. Надежда Кузьминична Бибики ответила, что читают хорошо. Там одна из лучших библиотек района, и заведует ею Амалия Кондратьевна Цильке. «Ну а заслуга в этом Александра Емельяновича есть?» «Да, несомненно, - сказала Надежда Кузьминична. - Он страстный пропагандист книги».

Стихи Александр Цильке начал писать рано. Писал на немецком языке. Первое стихотворение он опубликовал в 18-летнем возрасте в немецкой довоенной газете «Kollektivist», которая издавалась поочередно то в Омске, то в Новосибирске. Наряду со стихами он писал рассказы; некоторые из них были опубликованы в газетах.

Из беседы А.Кондратишина с А.Цильке:

- Простите, Александр Емельянович, но ведь вы не только читатель. Говорят, вы пишете рассказы, стихи?

- Да, я пытался... Написал много, было около двухсот публикаций. Хотелось выразить свои мысли...

С молодых лет он пытался донести «свои мысли» до читателя, мечтал выпустить сборник своих сочинений. С великой радостью он принял известие о том, что его стихи будут напечатаны в алма-атинском издательстве.

Из письма А.Цильке своему другу Константину Эрлиху (перевод на русский язык Р. Цильке и Т. Калининой): «Дорогой друг и коллега! Ваше милое письмо повергло меня в неопишуемый восторг. Спасибо за вашу заботу о моем сборнике. Ну, теперь дело сдвинулось. Только бы мне дожить. Надеюсь... С наилучшими пожеланиями, Ваш А. Цильке.»

Это было последнее письмо поэта. Оно датировано 11 июня 1980 года. Судьба

сыграла злую шутку. Сборник стихов А. Цильке на немецком языке вышел в конце 1981 года, всего через несколько месяцев после смерти поэта, его тираж составил 1800 экземпляров.

Р. Цильке: *«Можно себе только представить, сколько препятствий пришлось преодолеть редакции, пока не была подписана к печати корректура сборника. Можно только сочувствовать редактору-составителю Константину Эрлиху, который очень желал преподнести поэту такой подарок, которого он ждал десятилетия. Думаю, это событие было возможным только в Казахстане, где в те годы относительно благоприятно сложились условия для советских немцев».*

Из предисловия к третьему изданию сборника «Я листаю книгу своей жизни»: *«Этот маленький поэтический сборник - бесценный дар и венок памяти об ушедшем в мир иной отце, к великому сожалению, не дожившему до выхода в свет своей первой и единственной книжки. ... Сожаления мои безграничны! Чувства, которые мог бы испытать отец, доводись ему держать в руках пахнувший свежей типографской краской собственный поэтический труд, что можно, видимо, сравнить только со счастьем матери, держащей на руках первенца. Но, увы, судьба не проявила милости к нему (Р. Цильке)».*

Автобиографическая повесть Александра Цильке так и осталась неопубликованной; её рукопись была изъята во время ареста поэта и исчезла в архивах КГБ.

Р. Цильке: *«Отец увидел её в последний раз на столе следователя, который выпроводил отца из мрачного «серого дома» на ул. Ленина г. Омска. Мне не удалось узнать её точного названия, то ли «Ребёнок из бездны», то ли другое название. Написана она была, конечно же, на немецком языке... моему брату Райнгольду, который является хранителем архивных документов отца, не удалось обнаружить ни той повести и даже ни одной автобиографии, собственноручно написанной отцом».*

Александр Цильке был похоронен в Новоскатовке. Проститься с учителем и Человеком с большой буквы пришло много людей; играл оркестр.

«В его лице мы потеряли человека, который посвятил всю свою сознательную жизнь воспитанию подрастающего поколения в советской школе и которого мы в послевоенные годы знали как одарённого советско-немецкого поэта....

Память о нём мы всегда с уважением сохраним....

Поэта уже нет, но я уверен, что его труд будет способствовать становлению и развитию нашей советской немецкой литературы.

Июль 1981 года. К.Эрлих».

Р. Цильке: *«...Отец с энциклопедическими знаниями и феноменальной памятью всю свою жизнь учительствовал в глухой сибирской деревне. Удивительно, но он от этого не страдал. Философию Гегеля, Канта, Фейербаха и Шопенгауэра я усвоил у отца, а не из конъюнктурных учебников советской эпохи. В те короткие мгновения, когда я общался с отцом, мир преображался, отступала его неустроенность. Таков был и навсегда останется образ отца в моей памяти».*

Все воспоминания Р. Цильке об отце источают тепло, нежность, любовь и уважение, что является образцом высококонравственного отношения отца к сыну.

Амалия Цильке: *«Я постоянно могла заметить в дискуссиях, в беседах о политике, о культуре, о религии и национальностях такую важную черту в его суждениях о том, что все религии на земле в своей основе имеют право на уважение и признание, все нации и расы равноправны по своей сути. А о культурах он и мысли не допускал, что одна может быть важнее, чем другие. В этом духе он воспитывал своих детей и учеников. В его доме гостями постоянно были немцы, русские, украинцы, казахи, евреи и др. Он уважал и дружил, прежде всего, с человеком».*

Поэзия Александра Цильке разнообразна. Для нее характерно отсутствие какой-либо идеологии. В каждой строчке чувствуется неподдельная любовь к родине, к природе, к окружающим его людям. Он писал то, что чувствовал сам, и поэтому его поэтические мысли понятны каждому, кто не лишён простых человеческих качеств.

«Давид Вагнер в свое время писал в "Neues Leben" (№ 26, 1971): В стихотворении "Музыка" (Твои волны гладят осторожно мои волосы) последовательно осуществляется поэтическая идея. Сущность и воздействие музыки поэт предлагает наглядно иллюстрировать тем, как морские волны разглаживают его волосы, когда он опускается в пучину моря. Они увлекают его: шелковые нити музыки переплетаются со струнами его души. Сила искусства звуков, понимается здесь как воплощение искусства, в овладении человеком, что делает его еще богаче и человек следует за этой силой, он полностью исчезает в ней, чтобы возродиться вновь! Особенно в заключительной части стиха поэт формулирует общественную роль искусства. Всего двенадцать коротких строк - так мало словесного материала употребляет поэт, чтобы свободным стихом привести читателя к диалектическому пониманию того, для чего философу потребовался бы большой трактат...»

Что касается языка... Он совсем прост, даже когда поэт говорит о возвышенных вещах. Тем не менее, поэт создал поэтически выразительные образы, которые невозможно не запомнить. Вот несколько примеров: «У меня ... весна в сердце ...»; «Родник болтает радостно...»; «Когда над зреющими полями вечернее солнце испускает лучи золотистого мерцания, ... вечерняя тишина течёт над зелёными полями ...»; «Дыхание весны испускает поэзию.» ; «... Мысли тихо приближаются парусом ...»; «Солнце... сочиняет новые стихи на лугах, на горных вершинах...»; «Но смотри, на западе затягиваются облака в чёрные полосы. Ветер опускает свои поводья и ускоряется птичий полёт».

К. Эрленбах

Конечно же, чтобы прочувствовать и оценить творчество Александра Цильке, нужно читать его стихи в оригинале, т. е. на немецком языке. Даже очень хороший перевод не может передать всю полноту творческой мысли и красоту родного языка. Но такой возможностью обладают немногие, и сборники с параллельными переводами помогут широкому кругу читателей понять, о чём писал поэт.

Регинальд Александрович Цильке очень сожалеет о том, что не все стихи отца попали в юбилейный сборник, что у него не хватило на это времени и «чем дальше уходит время, тем труднее будет находить следы творческой деятельности нашего талантливого отца, деда, прадеда и прапрадеда».

Р. Цильке: «Наш отец, Александр Эмильевич, прошедший тяжкий и мучительный жизненный путь, омраченный арестом, допросами, тюрьмой и трудармией, к великому удивлению, невзирая на всю безысходность существования, хранил в своем сердце поэтический огонь. Благодаря таланту он, наверное, и выжил в нечеловеческих условиях омской тюрьмы и пермских лагерей. Внутренняя духовная жизнь помогала ему отстраняться от гнетущей действительности».

Чтобы увековечить память о нашем земляке, талантливом поэте и учителе, мы должны сохранить и изучить его творческое наследие, привить подрастающему

поколению любовь к родному краю, к нашим истокам. И тогда на протяжении долгих лет к могиле Александра Цильке «не зарастёт... народная тропа».